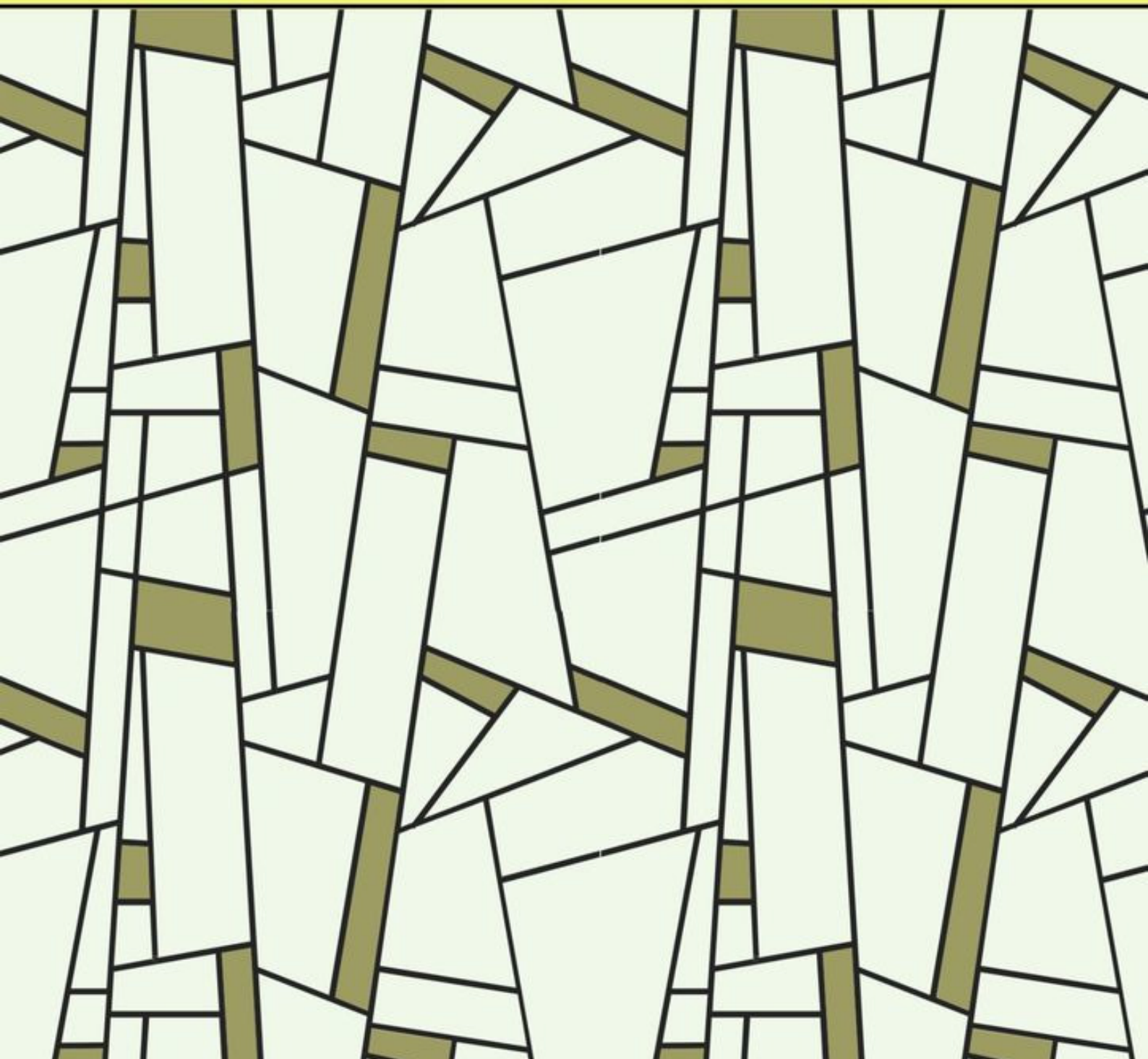

18 Екатерина Сереброва

В поисках

Екатерина Сереброва

В поисках

«Издательские решения»

Сереброва Е.

В поисках / Е. Сереброва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965449-6

Эта книга о духовном искании человека. Первая часть в жанре реализма, вторая — антиутопия. Обычный плотник Григорий сначала станет свидетелем того, как его крестник осознанно обретет для себя веру, а потом, спустя годы, и сам откроет для себя истину в мире Постапокалипсиса. Ему предстоит столкнуться с деспотичным лидером общины, который делит своих людей на «полезных» и изгоев. Кем окажется Гриша, какой он сделает выбор — подчинится, чтобы выжить, или взбунтует, вопреки здравому смыслу?.

ISBN 978-5-44-965449-6

© Сереброва Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Два начала	6
1 глава. Сомнение	6
ГЛАВА 2. Бунт	12
ГЛАВА 3. Любопытство	19
ГЛАВА 4. Страх	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

В поисках Екатерина Сереброва

© Екатерина Сереброва, 2020

ISBN 978-5-4496-5449-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Два начала

1 глава. Сомнение

Это была обычная воскресная служба. Отец Борис выслушивал короткие исповеди прихожан перед причастием. В сельской церквушке их и было-то немного – с три десятка. Но на сей раз он ощутил глубокое утомление уже после двоих исповедовавшихся. Батюшка отчетливо уловил неискренность в словах кающихся, и ему стало тяжело принимать их. Впрочем, отец Борис одумался и укорил себя за «неправедное самочувствие», набрался терпения.

Однако прошли еще трое – бабушка и две молодые девушки, и священнослужитель почувствовал скуку вкупе с раздражением. Все вокруг него – непроходимые грешники, ничего не меняется из года в год, из недели в неделю. Они проживают будни и возвращаются к службе с новой порцией грехов.

При всей абсолютной вере в силу молитвы и всепрощения, отец Борис допустил сомнение: а что если большинство этих селян не простят там, наверху? За тяжкие грехи вроде убийства, колдовства, вступления в половые связи без любви и до венчания, идолопоклонства, зависти, беспросветной лжи непросто получить прощение без должного покаяния. Что если они тут все лгут себе и друг другу? Отец Борис не читал в глазах многих исповедующихся ни грамма истинного понимания и раскаяния. Он, как праведник, получит спасение, но как пастырь с такой неискренней паствой – нет.

Вот семейная пара Челноковых приближалась к отцу Борису. Сперва он, за ним – супруга. Немолодые, но детородных лет. Однако главная причина, по которой они здесь – бесплодие. У обоих. Муж, не пропускающий мимо себя ни одной юбки; и жена, кроткая с виду, но дьяволица внутри.

– Просим прощения у Бога, что не исполнили свой священный долг, – неизменно говорил Челноков.

– Пусть Он простит наши грехи, если мы в чем виноваты, и благословит нас стать родителями, – вторила ему супруга.

Отец Борис отбросил тягостные мысли и выполнил то, что положено: благословил обоих, наказав молиться, и отправил с Богом. А сам подумал: хоть бы раз, темные люди, всерьез прошли медицинское обследование. Легко уповать на Бога, коли сам плошаешь и за собой не следишь. Медицина и религия не во всем могут быть совместимы, но отец Борис допускал, что в иных случаях они обязаны идти рука об руку. Священнослужитель, однако, должен быть сильным. Терпеливым, милостивым. В конце концов, не ему решать, давать ли этой паре детей.

За горе-супругами пришла очередь Рыбакина. Односельчане его всюду шарахались – так и в церкви держали заметную дистанцию.

– Отец Борис, я выполнил ваши наказания, а на душе тяжело. Что еще можно сделать, какую молитву прочесть?

Так и хотелось ответить, что за убийство никогда ему не получить прощения. Но долг священника обязывал сказать то же, что и всем, и всегда.

– Молись и будешь ты услышан. Спаси Господь, – проговорил отец Борис, помазывая его и отпуская.

Священнослужитель дослушал остальных, повторяя одну и ту же процедуру. И поражаясь, насколько собственные слова стали машинальными, заученными, потеряли сакральность. Сегодня вдруг вслушавшись в то, что ему говорят, отец Борис ужаснулся: сколько грехов... Им просто было нужно прощение. Временное заглушение совести, которого хватит до следующего раза, когда все повторится снова. Почувствовать стыд и вину (перед Богом, не перед собой

или семьей), прийти на службу в храм – и освободиться. Начать все сначала с еще большим упоением.

С этой поразившей его мыслью отец Борис еле довел свою Литургию до положенного завершения. Когда селяне принялись расходиться, он услышал, как две бабушки обсуждали Егоровну – местную травницу.

– Надо сходить к Егоровне, а то спину совсем тянет, – посетовала одна.

– Сходи, подлечись, – одобрительно кивнула вторая, – заодно узнай, когда она меня примет. Хочу спросить, каким урожай будет, и стоит ли мне покупать новую газонокосилку.

Старушки направились к выходу, у порога обернувшись и перекрестившись. Отец Борис застыл в немом изумлении: они теперь обсуждают свои греховные дела, даже не успев уйти за пределы храма. Что-то требовалось менять. Как можно скорее.

Батюшка постепенно отошел от неутешительных размышлений и, казалось, вернул себе душевное равновесие, миролюбие. Но день сегодняшний приготовил для него еще сюрпризов.

Вскоре в воскресную приходскую школу стали подтягиваться воспитанники. Отец Борис вышел их поприветствовать. Маленькая часовня служила им местом для занятий, куда и сопровождала детей матушка Ольга. То была настоятельница пожилого возраста, одной из первых предложивших отцу Борису помощь в обустройстве этой церкви, которую он воздвиг с нуля. Матушка взяла на себя всю отчетно-бумажную работу, ведение хозяйства и связь с внешним миром. Он безгранично уважал ее, хотя порой воспитанники считали матушку слишком строгой. Да, настоятельница Ольга редко улыбалась, что немного настораживало. Но для отца Бориса она была образцом порядка, послушания, смирения и христианской мудрости, что важнее.

– Витя, Сережа, – отец Борис приветствовал мальчишек – двух неразлучных друзей, – родителей слушаетесь? Уроки не прогуливаете?

– Ведем себя хорошо, батюшка! – отрапортовал Витька – кучерявый сорванец.

– Ага, а кто вчера «двойку» словил? – тут же вставил Сережка, сощурившись. Он был выше Витьки, смысленнее и симпатичнее. Друг слушался Сережу безоговорочно. Сейчас он покраснел.

– Я, честно, готовился к алгебре, но она такая сложная! – оправдывался Витя.

Отец Борис потрепал обоих по волосам, легонько прихлопнув по спинам, чтобы потопрапливались на занятия.

– Нехорошо ябедничать, ребята, – напоследок бросил он им. Мальчишки ушли, бурно перешептываясь.

– Анна, Серафима, – кивнул батюшка двум девочкам-послушницам.

Те почтено склонили головы перед ним и поспешно скрылись в часовне.

– Машенька, – позвал Борис последнюю воспитанницу, самую сложную. Не в плане обучения и послушания, отнюдь. Большую часть времени Маша была тихим ангелом: никуда не встревала, исполняла любые наставления и поручения, многое умела делать по хозяйству и с доброй улыбкой не раз помогала отцу Борису и настоятельнице. Но пробуждалась в ней и темная сторона. Природу которой могли бы определить врачи, да мать была настроена категорично против медицины. «Темная» Мария дико кричала, крушила все вокруг, кидалась предметами, ругалась последними оскорблениями – ее невозможно было остановить или уговорить перестать. Родительница запирала девочку дома. А в дни просветления заставляла усиленно молиться.

Отец Борис тоже молился за ее здравие, но он сейчас посмотрел на нее и с печалью осознал, что не изменится, как большинство его прихожан, и Машенька. Ей не под силу одолеть то, что жило в ней. Священник вовсе не считал ее одержимой чем-то или кем-то. Именно потому и пришел к мысли, что заставить самого себя измениться, взглянуть правде в глаза –

самая сложная задача человека. Маше с ее помутненным рассудком это выполнить практически невозможно.

Священнослужитель пригладил Машеньку по плечу, выражая свою поддержку. Какая-никакая, а именно она, по его мнению, была самой старательной и искренней ученицей. Последней возле отца Бориса задержалась Люба – семнадцатилетняя помощница в воскресной школе. Матушка Ольга лично взяла ее, а отец Борис недолюбливал эту особу. Он готов был прощать ошибки этим воспитанникам, которым было от двенадцати до четырнадцати лет, как Серафиме. Но не Любе, которую можно было считать взрослой. Она часто приходила на службы, иногда просто постоять в храме (если отец Борис находился внутри), слушала проповеди, церковные песнопения, а недавно записалась в помощницы. Священнослужитель поначалу считал ее истовой верующей, но позже переменял свое мнение на кардинально противоположное. Они заявили как-то с подругой Раисой на проповедь и шептались, поглядывая на отца Бориса, безбожно смеялись, прикрываясь ладонями. Тогда он и узрел ее истинное лицо за маской праведности и безвинности. Лицо блудницы.

– Не стой, Лилит, не бери мою душу, – проговорил батюшка, не желая снова поддаваться гневу.

– Я не Лилит, – удивленно отозвалась та.

– Ты – это она, – настаивал отец Борис. – Матушка Ольга не видит, другие – тоже. Но меня ты не проведешь, Люба, скрывающая в себе Лилит – первого демона.

Девушка содрогнулась, в шоке распахнув глаза. А после чего с плачем она бросилась за территорию храма. За воротами показался Григорий – доброволец-водитель при церкви. Грише было чуть за сорок, он был гладко выбрит, а в коротких волосах прослеживалась седина. Мужчина носил серый свитер грубой вязки почти в любую погоду. Отцу Борису он нравился своей немногословностью, исполнительностью и пунктуальностью – все поручения были выполнены им вовремя и без вопросов. Читалась в нем какая-то и жизненная мудрость. А вот на службы Григорий ходил редко.

– Вы несправедливы к ней, отец Борис, – заговорил он, нарушив свое обыденное молчание. – И даже, позвольте сказать правду, жестоки.

Гриша держал в руках коробку с продуктами, которую должен был сразу отнести в приходскую кухню. И отчего-то задержался.

– Я прав, Григорий, – категорично ответил батюшка, разворачиваясь, чтобы пойти в обратном направлении, занять свою обитель. – Хотя и выбрал довольно суровую аналогию. Быть может, она подскажет Любе правильный путь.

– Люба – хорошая девушка, – не согласился Григорий. – Не корите ее за любовь к вам. Не туда вы тратите свою праведную энергию.

– Священнослужителя нельзя ставить выше Бога, – резко отозвался Борис. – А она – далеко не Христова невеста.

– Вы временами гордец, батюшка.

– Слышали бы вы, что они мне на исповедях говорят, – разоткровенничался отец Борис, пропустив последнюю фразу Григория мимо ушей. – Грешник на грешнике. Я не обращаю внимания – по привычке. А сегодня как прозрел. Нехорошо мне даже стало...

– Не прозрение это, отец Борис. Заблуждение, – предостерег Григорий. Отец Борис снова говорил о своем, не слыша:

– Стараешься ведь ради них, направляешь к Свету. Отвернешься на минутку – и они опять во Тьме. Грустно это. Страшно. Спаси Господь, – он перекрестился.

Григорий уже ушел, пока батюшка завершал свою мысль. Мимо ворот тенью проскользила вдруг Егоровна – травница. Отец Борис поспешно вернулся к воротам и выглянул, чтобы удостовериться. Узнал бабульку, перекрестился, как при виде чёрта, почти начал защитную

молитву, как та резко остановилась и обернулась, сверкая золотыми зубами и шурясь подслеповатым глазом.

– Что, батюшка, бесов изгоняешь? Так их нету! – крикнула она задиристо.

– Не смей ходить у храма Божьего! – поразившись наглости ее, ответил Борис.

– Ого, вот это претензии. Я, внучек, людям травмами тяжелые травмы лечу и лечила, пока тебя и на свете-то не было. Исключительно пользу делаю, да не болталогией занимаюсь, а практикой!

– Твой дар от Дьявола, окстись!

– А твой тогда от кого?

– Нет у меня никакого особенного дара, – обомлел священник.

– Ты просто не замечаешь, – хитро улыбнулась старушка. – Не хочешь видеть. Но уже на пути к прозрению.

Посмеялась и пошла своей дорогой, изгаляясь, повторяла шепотом его «не смей ходить».

Нехорошо ему стало, и отец Борис поторопился уйти в свою почивальню в храме. Закрылся там, намереваясь лечь спать засветло, но поскорее смыть остатки этого странного дня. Никогда не доводилось ему жаловаться, тем более, вслух и мирянину. Что на него нашло?.. Священник оставил эти вопросы и взялся молиться, встав на колени перед своей простой кроватью, сжимая в руках икону.

Отцу Борису было всего чуть за тридцать, отчего и борода росла у него слабо, да негусто. Родился он в неблагополучной семье. Вопреки родительским убеждениям верил в Бога с ранних лет и сам записался в воскресную школу, где познавал христианские истины. Отец и мать беспощадно пили и перестали заниматься тем малым хозяйством, что имели: продали корову, лишились кур, запустили огород. А Борис верил, что однажды Бог вытащит его из нищеты, и это случилось. Он с успехом поступил в православную семинарию, а дальше был определен в монастырь. Полностью уйти от людей, правда, оказалось непростой задачей. Борис хотел поделиться обретенными знаниями, любовью к Христу, добрыми идеалами с другими и показать, тем самым, что даже в самых худших условиях можно жить с верой. Жить, трудиться и любить. Он пробовал поговорить об этом с родителями, но те были обижены на сына за то, что тот бросил их, променяв «на Бога». И тогда божий послушник решил основать свой приход. Борис убедил духовенство в этой необходимости, и те выделили ему участок в деревне, расположенной по соседству с его родным селом, и благословили на обустройство.

И все-то у новообретенного отца Бориса получалось складно. Нашлись прихожане, помогающие в строительстве, матушка Ольга вызвалась во всем его поддерживать. Казалось, всем мечтам Бориса суждено воплотиться в быль. Он думал, что видит в глазах людей зарождающееся прозрение, стремление к Свету. Священнослужитель полагал, что его проповеди и их совместные молитвы просвещают односельчан. Но так ли это на самом деле?

Данный вопрос не давал отцу Бориса покоя со вчерашнего дня, ничего не изменилось и на следующее утро. Проведя раннюю службу, выслушав хворых, после обеда он вырвался на улицу. Священник не мог продолжать исполнять свой долг, поскольку сердце его было не на месте. Сильное волнение овладело им, и ничто не помогало избавиться от этого, усмирить свой разум, привести в порядок чувства. И, несмотря на проливной дождь, батюшка побрел по деревне, надеясь вернуть смиренность.

Отец Борис совсем скоро весь взмок и не от дождя, а от внутреннего жара. Он не покинул свою обитель и вдруг понял, что не разбирает уже дороги, куда идет. Поселок не был большим, но священник запросто мог заблудиться и в трех соснах. Он ощутил, наконец, и холод, забравшийся под рясу. Думая, как бы ему добраться назад в церковь, Борис огляделся, стараясь припомнить хотя бы примерно, куда он забрел. Ближайшие ворота одного из селян вдруг распахнулись, и к нему вышел Григорий собственной персоной.

– Вы как тут, батюшка?

Отец Борис беспомощно развел руками. Он устал бродить, так и не обрел цели, и замерз.

– Заходите, – махнул Гриша, зазывая к себе домой.

От нечего делать священник и зашел. Григорий завел его на кухню, где подкинул дров в печь. Поставил перед батюшкой и собой по стопке, из-под стола достал водку. Отец Борис зашелся кашлем, стопку решительно отодвинул. Гриша помычал недовольно, сходил в комнату и вернулся уже с пуховым одеялом, набросил его на плечи батюшке. Тот благодарно кивнул, кутаясь в теплом, а главное, сухом одеяле. Помолчали. Чувствуя, что немного согрелся, Борис было поднялся с табурета, но Григорий твердо сказал:

– Сидите уже, отец Борис.

Священник удивленно сел обратно. Приказного и столь уверенного тона в свой адрес он не слышал давно, оттого сразу повинился.

– Куда вас понесло в непогоду? Поделитесь своей историей – я хороший слушатель.

– Нет у меня историй.

– Той, что толкнула вас шататься по деревне с видом, будто вы умом тронулись.

Отца Бориса бросило в холодный пот, он вздрогнул.

– Умеете вы, Григорий, с толку сбить.

– Так что случилось? – невозмутимо продолжил тот и поставил перед батюшкой стакан, куда налил горячего чая. Отхлебнув, отец Борис решил, что самое время поделиться своими сомнениями. Ведь, как ни печально, а кроме простого мужика Григория его и выслушать некому. Настоятельница Ольга таких размышлений не поймет, а другим и дела нет.

С другой стороны, батюшка даже не знал, чем Григорий вообще жил, когда не выполнял поручений для церкви. Ему было известно, что он – плотник, да и ничего более. Тем не менее, отец Борис считал, что может довериться и положиться на Гришу. Было в нем что-то... светлое.

– Я приехал сюда с большой надеждой возвести первый храм, подарить людям шанс на обретение счастливой вечной жизни... – поведал батюшка. – Это была не самая простая затея, меня отговаривали, но потом дали добро. И что затем? Спаслись ли местные? Ко мне на службы приходят с два десятка, иногда – с три, человек. На Рождество и Пасху – почти вся деревня. Но никакого просветления не вижу я в собственной пастве.

– Не судите их строго, – заметил Григорий. Он не притронулся к водке, налив чая и себе. Выставил перед батюшкой сушек и баранок, одну из которых с удовольствием макнул в свой чай. Привкус и аромат у чая был необычный – похоже, напиток с бергамотом. Отец Борис насупился.

– Я полагал, что прихожане поймут мои порывы и захотят чего-то достичь. Они нуждались в хорошем пастыре. Не каждый, без сомнений, сможет вести монашескую жизнь, но ведь достаточно соблюдать несколько простых праведных вещей... Но вчера я увидел, что они – слепцы, не видящие дальше собственного носа.

– Всего лишь грешники-люди?

– Люди...

– Как и вы. Никто не совершенен, но это не значит, что в вашей душе, как и у других, не живет Бог, так? – подсказывал Григорий.

– Так... – озадачился отец Борис. – Я не должен высказываться плохо о прихожанах. Да простит меня Господь за уныние моё, – он поцеловал свой крест.

– У каждого бывают серые дни, это пройдет, – заметил Григорий и постучал пальцем по все еще стоящей на столе бутылке водки.

– Не страшайте меня, – поморщился отец Борис. – Вчера я позволил себе выпустить злобу, гнев – согрешил. В меня как бес вселился и завладел речью, мыслями. Это наказание за то, что я был плохим пастырем... Даже вы – человек, которого я вижу ежедневно при церкви, не ходите на мои проповеди, значит, пастырь из меня неважный.

– У меня есть и другие обязанности, дела. Я вас уважаю, отец Борис, и качество ваших проповедей не при чем. Вы судите слишком строго – и себя, и других. При всех ваших недостатках, я уверен, вы достойнейший человек и пастырь.

– Григорий, вы помогаете мне и матушке Ольге практически с самого начала. И я ни разу не задавал вам этот вопрос. Да мы с вами и вовсе мало общались, – сбивчиво проговорил отец Борис и спросил серьезно: – Вы верите в чудо? В Бога?.. – его голос сам собой стих на второй фразе.

– Я верю вам, отец Борис.

Батюшка умолк, рассматривая лицо Григория.

– Так вы атеист? – осторожно уточнил священник.

– Атеист отрицает Бога, а я просто не уверен в его существовании. Вашу же позицию я уважаю, – отец Борис грустно опустил голову, а Гриша сделал паузу. – Знаете, лучший способ узнать прихожан – прийти на их территорию, – закончил он.

– Это невысказано.

– Я знаю. Но если вы желаете понять, как вам быть, искренни они или нет, придется выйти из церкви. В храме всякий человек старается держать лицо, понимаете? А вам нужно посмотреть их в другой ситуации, повседневной.

– И куда пойти?

– К ним домой.

– Я не могу себе представить, как хожу проповедовать в дома... – совсем смутился отец Борис. – Все церковные дела следует исполнять в храме. И я посещаю местный детский дом и больницу, но дома...

– Разве дела от этого перестанут быть церковными, если выйти с ними на улицу? – задался вопросом Григорий. – Мне действительно неловко что-то вам советовать, я с такими проблемами никогда не сталкивался и сужу с обывательской позиции. Но однажды вы уже вышли за стены монастыря и основали тут приход. Почему бы не попробовать выйти за стены храма?

– В ваших словах есть зерно истины, – не мог не признать отец Борис. – Но я не готов.

Поблагодарив хозяина дома за помощь, он поднялся и отдал одеяло.

– Отец Борис, – позвал его Григорий. Он неловко застыл. – Если вам захочется поговорить, заходите. В любое время.

– Храни вас Господь, – ответил батюшка, чуть улыбнувшись, и оставил Григория.

Он вышел на улицу, где дождь уже прекратился. Не особенно глядя под ноги, отец Борис быстро набрел на лужу, но абсолютно не обратил на это внимания – он спешил в церковь, где чувствовал себя в безопасности. И к прихожанам, которые, какими бы они ни были, все же приходили к своему пастырю и слушали его.

ГЛАВА 2. Бунт Три недели спустя

Стояла тишь, да гладь, до рассвета и петушиных криков оставались несколько минут, деревенскую благодать нарушили рев мотора и пение громким хриловатым басом. Бойкий мотоциклист подъехал к хате Григория и спрыгнул на землю, пристроив своего железного коня у ворот. Он снял шлем, раскрашенный под языки пламени, выпуская вихрастый «еж» вместо аккуратно подстриженных волос, серьгу в ухе. Стянул стильные перчатки без пальцев, прихватил рюкзак и гитару в чехле, да и направился к дому. На нем оставались косуха и высокие сапоги с торчащими по бокам шипами.

– Ах Рассея моя, широка-а-я, – затынул молодой человек, проходя в дом. И умолк, заведя с порога сидящего на кухне священника рядом со своим дядей Гришей.

– Здрасьте, дядя, – поздоровался он, разглядывая странного гостя.

– Славка! – Григорий поднялся и вышел к нему, заключая в объятия. – Познакомься, это отец Борис. Отец Борис, это Слава Пеструнов, мой крестник. Родился в этой деревне.

– Не знал, что у нас есть свой священник, – сконфуженно проговорил Слава, протягивая руку для пожатия. На среднем пальце был крупный перстень с черепом. Отец Борис и не взглянул, а просто взял его ладонь двумя руками и энергично пожал.

– Доброго утра, Вячеслав. Правильно я назвал ваше имя?

– Правильно, но лучше – Слава.

– Год с небольшим, как я основал в вашем поселке церковный Приход, – добавил отец Борис. – Приходите и вы, Слава.

Славка расстегнул косуху, а под ней – футболка с головой дьявола. Священник охнул и отшатнулся.

– Если хотите, – вставил отец Борис.

– Я очень хочу, – Слава стусевался, прикрыв футболку.

– Что ж, – священник посмотрел на Григория, будучи все еще растерянным, поднялся. – Мне пора.

– Увидимся, пастырь, – попрощался Гриша.

– Храни и спаси Господь, – бросил священник и ушел, ни разу больше не взглянув на Славу.

Славка почувствовал, как вместе с ним ушло и напряжение. Снял куртку, под которой помимо провокационной футболки имелись куда более вызывающие татуировки: на левой руке – зеленый змий, поедающий яблоко, на правой – волк, воющий на луну. Они обе начинались от кистей и заканчивались у локтей.

– Помешал вашим посиделкам? – справился он у дяди Гриши. – Ты чего в такую рань не спишь-то?

– Не спится, – ответил Григорий. – Хорошо, что отец Борис согласился составлять мне компанию по утрам. Чай с ним пьем до Заутрени.

– И давно ты со священником дружишь?

– Я не состою в его приходе, но дружбу вожу, да, совсем недавно, – пояснил Гриша. – Помогаю при церкви.

– А что с твоей основной работой?

Слава никак не мог взять в толк, как это его дядька, не посещавший церковь все свои сорок с лишним лет, вдруг чаи распивает с батюшкой.

– Плотничаю все так же, как заказы есть.

В голове у Славки не прояснилось. С дядей что-то произошло.

– Я тут кое-что привез, – он достал из рюкзака бутылку виски. – Но если ты теперь при церкви...

– Кто сказал, что я не пью? – весело уточнил Григорий.

Славка улыбнулся: с его дядькой все в порядке, умом не тронулся. Он потянулся за печеньем, чтобы помакать его в виски – своеобразная привычка сформировалась, пока жил вдали от деревни.

– Слушай, старик, извини, что не приехал на похороны твоей мамы, – виновато протянул Слава, вспомнив об этом после пары-тройки таких печенюшек.

– Мы уже обсуждали это, я не сержусь.

– Ты остался совсем один... И поговорить-то не с кем, – тоскливо проговорил Пеструнов, оглядывая бесхитростные владения дяди. Большую часть мебели Григорий изготовил себе сам, а без нее дом смотрелся бы абсолютно убого. Там и починять уж было нечего – сноси и строй заново.

– Ну, брат и сестры, слава Богу, живы-здоровы, пусть и не рядом. А здесь у меня хороший собеседник, которого ты видел.

– Не пойму, что у вас общего, ты ж не этот, как его, не у церкви.

– Не воцерквленный, – поправил его Григорий. – Мы когда тебя крестили, я делал все по правилам.

– Ну, это другое, – качнулся на стуле Слава, рассуждая.

– Познакомься с отцом Борисом и сам поймешь, что у нас общего, – усмехнулся Гриша. – А может, и у вас найдется. Он ведь молод.

– Ну не знаю, – почесал он ухо, что с серьгой. – Мне всегда нравилась история Иисуса Христа, но вера и религия – сложные штуки.

Помолчали. Славка ел печенье, Гриша – смотрел в свой стакан.

– А тебя можно поздравить с прошедшим днем рождения? – переключился на другую тему Григорий. – Двадцать восемь моему крестнику, ага?

– Ага, – кивнул притомившийся Славка. – Давай не об этом, – он приложился поближе к стенке. – Расскажи лучше, что в селе происходит, как что. Я у тебя недолго проживу, лады?

– Ну конечно.

Дядя Гриша поведал крестнику о новостях села, да о своих текущих делах. Славка слушал-слушал, да и сморило его в сон, о себе так и не успел ничего сказать. А дядька и не тревожил, понимая, что не стал бы парень приезжать назад в село, будь у него все в порядке. А значит, поделится еще.

Отоспавшись на дядькиной тахте, на которую тот его, видимо, и дотащил, Слава подкрепился и отправился по деревне пройтись. Тем более что Гриши дома не было.

Пеструнов шел по улицам, которые за десять лет его отсутствия не изменились. Так, кое-где дома перестроили, да покрасили, асфальт проложили местами, дом культуры обновили. И, конечно, жители поменялись: взрослые постарели, молодые завели детей, а иные уехали восвояси, как и он, или умерли. Хотя вот некоторые остались верны себе.

– Это кто у меня тут цветы топчет! – кудахчущим голосом заверещала рядом бабулька. Славка засмотрелся и задумался, что не заметил, как наступил на маленькие цветочки у одной из оград.

– О, Ульяна Васильевна, – признал он ее. Старушка была в платке и шерстяной кофте поверх халата, а на ногах при этом – простые тапки. – Не холодно вам?

– Некогда мерзнуть, коли работа стоит, – ворчливо отозвалась та. Слава усмехнулся: вроде и жил совсем не рядом с Ульяной Васильевной, а запомнил ее надолго за строгий нрав и неумную активность. Будь то праздничные гуляния, грядущие выборы или всеобщий сбор средств на ремонт школы – баба Уля всегда впереди и громче всех.

Она прищурилась, внимательно осматривая куртку Славы. На рукавах у него еще и имелись нашивки с известными рок-звездами разных лет. Бабуля дотронулась до одной из них.

– Ишь ты, страшный какой, – проговорила она. – А ты кто будешь?

– Слава Пеструнов я. Вырос здесь, приехал дядьку навестить.

– А-а, Пеструнов, – стало ясно, что фамилии такой она не помнила, хоть и сделала вид, что узнала. Славка вздохнул. – И кто ты, панк или металлист?

– Ого, какие познания, – уважительно покивал Слава.

– А то, телевизор-то все смотрим, двадцать первый век, – многозначительно произнесла Ульяна Васильевна.

– Да я не тот и не другой, бабушка, альтернативщик я.

– Ох ты, Господи, – перекрестилась старушка и заторопилась уйти за ворота, сетуя себе под нос на помятые цветы.

– Бабуль, а как вам пастырь? – решил узнать он постороннее мнение.

– Пастырь? Это отец Борис? – задержалась бабушка. – Хороший, внимательный. Вне церкви только от людей шарахается, боится будто чего-то. Вот и к Машеньке все никак не придет, а ведь мать просит...

– К какой Машеньке?

– Девочка по соседству, – баба Уля указала на зеленый дом рядом. – Совсем больная, несчастная девочка. Когда в сознании, так сама в церковь ходит, занимается там, а как бес ею овладевает – никому спасу нет. Бедная мать.

Славка утратил интерес к рассказам бабушки и сам потихоньку отошел, да продолжил прогулку. Люди тут в поселке казались милее, вежливее, приветливее столичных. Он уж отвык от простоты, что была свойственна здешним жителям. Многие перестали собираться за пределами своих оград, но те лица, что встречались ему по пути, по-прежнему были светлыми, добродушными. Жители большого города одаривали соседей угрюмыми взглядами исподлобья. Славе дышалось в деревне свободнее. И, несмотря на грязь вокруг, отсутствие развлечений и разнообразного досуга, ему нравилось тут. Сколько бы люди ни судачили друг о друге, они готовы были бескорыстно прийти на помощь и постоять горой за своих. И их не волновали материальные блага – большие дома, крутые машины, вещи из дорогих бутиков. Слава внутренне оставался таким же, но ему не хватало этого и внешне, в других людях. Если бы не амбиции и не мечты, он с удовольствием не уезжал из поселка никогда. Устроился бы зоотехником, как хотела мама, встретил достойную женщину, например, из доярок, и родила б она ему четверых ребятишек, не боясь испортить фигуру и не подсчитывая каждую его заработанную копейку. Но тут либо семейное счастье, либо та творческая карьера, которую он построил.

Славка заметил двух симпатичных девчонок. Одна – пухленькая, другая – стройная. Приглянулась ему вторая, хотя он был не прочь познакомиться и с первой. Никакого у них искусственного загара, никаких накладных грудей, тонн косметики, а здоровый цвет лиц, простая одежда, горящие глаза – то, что надо!

– Девчонки-красавицы, – подкатил Слава к стройняшке, – куда торопитесь?

Они хихикнули, переглянувшись.

– У меня группа в Питере, по всей стране гастролируем и стадионы собираем, – радостно известил он их. – Неужели не узнаете?

Он улыбнулся неестественно широко, словно для обложки журнала.

– Так то в Питере, – усмехнулась девушка.

– И по всей стране, – добавил Слава, огорчаясь, что не покорил ее. – Местная легенда, а вы и не цените.

– Ну не расстраивайся, легенда, – подключилась вторая. – Ты неплох собой... Как звать-то?

– Славка.

– Рая.

– А подружка?

– Ты на Любку не смотри, она у нас в священника влюблена.

– Райка! – вспыхнула Люба и отбежала вперед, но не ушла совсем.

– Правда влюблена? А он женат? – Слава уже в третий раз слышал о священнике и узнавал все более новое и интересное.

– Ему вроде бы нельзя.

Пеструнов оставил девушек, пообещав найти их позже, тем более что Люба совсем утратила к нему интерес, а Рая теперь его не устраивала. После слов о вероятностном сопернике он почувствовал азарт и желание очаровать именно Любу.

Слава прогулялся до противоположного края деревни, где располагался и храм. Никаких позолоченных куполов, богато украшенных витражей – простая церквушка, разве что не деревянная. Он не стал близко подходить, не решил пока, хочет ли побывать там внутри, а развернулся и пошел обратно до дядино дома. Однако у дома культуры заметил вдруг несколько селян, окруживших никого иного как отца Бориса. Перед священником был стол с кастрюлей, из которой тот черпал суп – он раздавал страждущим еду. Пеструнов хмыкнул, собираясь пройти мимо. По его мнению, это была странная затея с учетом того, что всякий любит бесплатно поесть, а уж в поселке таких навалом. Так и разбаловать деревенских лодырей недолго. Но Славе не удалось уйти, его окликнули:

– Славка!

Рыбакин собственной персоной – тот, кого Славе меньше всего хотелось бы видеть. Один из тех знакомых, которых лучше не знать. Но Рыбакин был одноклассником Пеструнова, и они даже дружили прежде, потому разговор был неизбежен. Приехав сюда, Славка надеялся, что большая часть его бывших товарищей разъехалась, как и поступали выпускники здешней школы, но с «Рыбой» это едва ли было возможно.

– Ты чего здесь? – спросил Слава, неохотно останавливаясь возле бывшего друга, который не знал, что стал «бывшим». Небритый, дурно пахнущий, в каких-то лохмотьях Рыба лишь отдаленно напоминал себя самого, потому задерживаться рядом с ним еще хоть на минуту Пеструнов решительно не желал.

– Да вот, коли бесплатно кормят, че не поесть? – хихикнул Рыба. У него в руках была пустая, но грязная тарелка. То ли он уже получил свою порцию и стоял за второй, то ли принципиально не пользовался водой, чтобы очистить посуду.

– Действительно, – не нашел, что возразить Славка.

– Струнный, ты как у нас, надолго? – заметно оживился Рыбакин. Он почесал нос грязным пальцем, и Слава разглядел на костяшках татуированную надпись «Рыба».

– Нет, – мотнул головой Пеструнов, делая шаг назад от не меньших забуддыг, чем Рыба, что толпились в очереди. – Имя свое подписал, чтоб не забыть?

– Ну да, а то знаешь, как оно бывает...

Слава знал, да вспоминать не хотел. Рыбакин – это была крайняя степень того, каким мог стать и Пеструнов, но он пока, к счастью, умел вовремя остановиться и избежал подобной участи. От алкоголя, правда, было уйти не так-то просто, но Слава старался.

Очередь Рыбакина подошла, он утратил интерес к общению и жадно взялся уплетать полученный суп прямо руками, прихлебывая бульоном. Пеструнова передернуло.

– Присоединяйтесь, – приглашающим жестом предложил отец Борис, завидев его.

– О нет, я не стану отбирать еду у по-настоящему нуждающихся, – он хотел употребить другое слово, глядя на собравшихся, но не стал материться при священнике. – Вы сами готовите?

– Нет, – усмехнулся священник. – Матушка Ольга постаралась для этих добрых людей, – Пеструнов отвернулся, намереваясь уйти. – Слава, вы мне не поможете?

Обращение отца Бориса к нему удивило Славку, и он обернулся с вопросом в глазах.

– Я? – озвучил он свое недоумение. Пеструнов полагал, что отпугнул батюшку своим видом, однако тот совсем не выглядел уstraшившимся, хотя Слава и не переодевался.

– Мне еще нужно зайти с этим поздним обедом к больным. Вдвоем было бы сподручнее, если вы не заняты.

– Нет, не занят... – растерялся Слава. – Ладно.

– Дорогие братья и сестры, оставим же немного еды и для других ваших собратьев, – обратился к очереди, что никак не кончалась, отец Борис, закрывая кастрюлю крышкой.

– Батюшка, а как же мы? – спросил кто-то из толпы.

– Ты приходишь всего раз в две недели, а больницу каждый день! Где твоя хваленая божья справедливость? – выкрикнул второй.

Отец Борис стоял, бледнея, плотнее прижимал крышку, которую уже норовил отобрать стоящий ближе всех наглый пузатый мужик в майке и драных штанах. За ним едва держалась на ногах женщина, которая негромко подначивала его не только забрать крышку, но и кастрюлю. Славка обалдел от такого неуважения народа к своему же священнику и прекрасно представлял себе, какой бардак развернется дальше. Они, конечно, вряд ли прихожане, но отца Бориса-то знать должны и относиться как к «своему», а не «чужому».

– Братья и сестры, должны мы быть человечными и уметь делиться, – он мягко отстранил загребушие руки мужика. – Вашему фельдшерскому пункту, где содержатся больные, не хватает средств.

– А мы что, хуже них? – заорали люди. – Долой этих немощных, сильный побеждает слабого!

– Это ведь ваши соседи...

Славка смотрел, как у мужчин чешутся кулаки, а у женщин в глазах пробуждается жажда крови. Рыбакин хищно поглядывал на него, собираясь увлечь за собой. Но Пеструнов и не думал помогать в создании хаоса, у него, в отличие от этих людей, были принципы и четкие понятия о том, что недопустимо.

– Эй, вы, вечно голодные, а ну расходитесь! – громко заявил Слава.

– А ты что за черт такой выискался? – ополчились на него.

– Это кореш мой! – крикнул Рыбакин. – Струнный, давай лучше с нами, отстоим свои права!

– Ты свои права уже отъел! – пылко бросил ему Слава. – Как и вы! – остальным. – Человек для вас постарался, доброе дело сделал, а вы в него плюете! Ну-ка, взяли и разошлись по хорошему!

Он видел их горящие ненавистью глаза, но и не думал отступать.

– Поколотим этого слюнтяя и возьмем свое! – предложил пузатый мужик.

Ему хором ответили «да!». Славка принялся закатывать рукава куртки, тогда как отец Борис вышел и загородил его собой.

– Не нужно насилия, – сказал он. – Забирайте, что хотели, а мы уйдем.

– Батюшка, – воспротивился Пеструнов, выходя из-за его спины, – я хочу защитить ваше достоинство.

– Нет, Слава, мне такая защита не нужна.

Рыбакин погрозил Славке кулаком. Пеструнов почти показал тому средний палец, но отец Борис вовремя опустил его руку.

– Ради Христа, уйдем, – шепнул он.

Глаза, полные мольбы, заставили Славу передумать воевать и послушаться здравого смысла – священника. Более двух десятков жителей уже занялись опустошением кастрюли, позволив отцу Борису и первому их на селе врагу уйти.

Они отошли на достаточное расстояние, чтобы не ощущать злобных взглядов на своих спинах и не слышать чавканья. Славка злился, но не на них, а на отца Бориса, что позволил им так с собой обращаться, а ему не дал защитить себя. Обидно было за это. Тем не менее, наблюдая за возвращающимся к батюшке умиротворением и за легкой улыбкой на устах, он и сам угомонился. Пеструнов даже не осознал, что они движутся к церкви, и он почему-то все еще не оставил священника одного.

– А как же больные? – спросил Слава.

– Слава Господу, что их всего пятеро сейчас, – ответил батюшка. – Матушка Ольга успеет сварить для них кашу вместо супа.

– Я не помню, чтобы в нашей больничке кто-то, кроме родственников, носил еды. Там кормили и вовсе всего дважды, да так отвратно, что легче было доползти до дома самому. У меня так было, когда я сломал ногу. Плевал на все режимы и боль, плелся домой за нормальной жратвой, а потом обратно за уколами.

– Поэтому мы и предложили помощь, медики не против, – с улыбкой ответил отец Борис. Они остановились у низеньких ворот церкви. – Продуктов и средств на них, правда, не всегда хватает. Но ничего, прихожане более понимающие, чем эти на площади... Помогают содержать и церковь, и своих односельчан, временно недееспособных. Районная администрация тоже выделяет нам средства.

– А местная?

– Местный глава – неверующий, так что ждать помощи не приходится, а просить – ни к чему.

– Я понимаю больных кормить, а этих-то обормотов зачем? Это же первые бездельники, которые только и ждут бесплатной подачи. Они неблагодарные.

– Ваш крестный тоже часто об этом говорит, – усмехнулся батюшка. – Однако Христос учил не отворачиваться от слабых духом, а помогать им. Я совсем недавно начал раздавать еду на улице. Поначалу приходило меньше людей, и проблем не возникало. Но очереди стали длиннее. Придется что-то придумать, как это разрешить. Вы вмешались вовремя и вели себя смело, но такие методы не подойдут.

– Против быдла именно такие и подойдут, – возразил Слава, выражаясь напрямую, в лоб, – Вы их развращаете. Они и без того ничего не делают, а станут еще хуже.

– Я так не думаю, – ответил отец Борис, но прозвучало не очень уверенно.

– А надо бы, – добавил Слава. Он успел окончательно остыть, и робость перед человеком в рясе начала к нему возвращаться. Особенно после того, как Пеструнов практически отчитал его. Он не считал себя верующим, хотя и знал Библию, тянулся к ней, потому и испытывал почтение к священникам. Однако определенного мнения насчет религии у него пока не сложилось. Как и отношения к деятелям церкви. У него был негативный опыт общения с попами, чего он ждал и от отца Бориса. Но общаясь все дальше и дальше, Слава убедился, что этот священник другой. И с ним в самом деле хотелось говорить, хотя их точки зрения различались. Возникало совсем новое чувство к батюшке и религии, которого Пеструнов пока не осознал, потому немного боялся и робел. Весьма личный вопрос также вертелся у Славы на языке.

– Вы с Рыбакиным приятельствуете? – спросил отец Борис внезапно.

– Да с таким другом и врагов не надо. Были когда-то хорошо знакомы, – честно сказал Слава.

– Он – в моем приходе.

– Серьезно? А за еду готов был первым бросить в вас камень.

– Я знаю, что он не самый искренний прихожанин... Другие верующие его обходят стороной. У меня были сомнения насчет веры каждого из них. Но на самом деле даже Рыбакин верит, просто не может побороть свои искушения, – поделился отец Борис, поражая своей откровенностью. – Поэтому я в большей степени верю в людей, в их доброе начало. Столкнув-

шись с теми, кого не встречал на службах, я стал больше ценить своих прихожан, – добавил батюшка. – И по-другому взглянул на мирян в целом. Вот, для чего я выхожу кормить обездоленных на улицу – они все заслуживают шанса на любовь и внимание. Только таким образом мой диалог с ними, не посещающими мою церковь, возможен. Даже если они меня пока не слышат.

– Батюшка, ради куска хлеба они растерзают вас, как волки, – проговорил Слава. Речь священника воистину вдохновляла, но Пеструнов не мог согласиться с ним. Он знал эту реальность с изнанки. – Придумайте другой способ общения. Я серьезно, долго вы не проживете.

– Я не хочу отворачиваться от них, когда только-только повернулся... – озадачился отец Борис. – Но нужно хорошо подумать, правда. Зайдете в церковь?

– В другой раз, – Слава почувствовал, как першит в горле. Он и не знал, чем объяснить, почему не может переступить за порог, но это действительно казалось трудной задачей.

– Мне нужно продолжить с больными. Вы все еще готовы помочь?

– Вам же еще готовить? Давайте я приду позже.

– Да, думаю, уйдет около часа. Будет хорошо, если вы придете, Слава. С вами интересно вести беседу.

– Взаимно, – не стал кривить душой Пеструнов. – До встречи.

Он спешил полакомиться своим особым печеньем и чем-нибудь посущественнее. Недавний запах супа разбудил его аппетит.

ГЛАВА 3. Любопытство

Пеструнов вернулся к отцу Борису, как договорились. Слава взял у батюшки большую кастрюлю, после чего они отправились в фельдшерский пункт. У дома культуры давно все разошлись, осталась только горка грязной посуды, а сверху гордо возвышалась помятая кастрюля. Священник грустно вздохнул, проходя мимо. И сообщил, что приберется по возвращению. А Славка видел погромы и покрупнее, ему приходилось и не такие завалы разгребать после собственных концертов, проходящих на улице. Полиция и организаторы были сильно недовольны.

Больничка находилась в центре поселка, рядом с красивым зданием администрации. Помещение, выделенное для лечения местных, конечно, не выдерживало никакой критики по сравнению с администрацией. Палат здесь хватало ровно на десятерых, потому тем пяти еще повезло, что лечились они в льготных условиях. То были, в основном, пожилые, но нашелся и бедолага со сломанной ногой, мигом напомнив Славке его самого. Отец Борис, накинувший белый халат поверх своей черной рясы, прошелся по палатам, ловко накладывая кашу в протянутые больными тарелки. Из него вышел бы неплохой помощник повара. Пеструнов выполнял роль носильщика, и в разговоры батюшки с пациентами особо не вслушивался. А тот после кормежки непременно беседовал с каждым из своих подопечных.

Добрались они до последней палаты, когда в коридоре столкнулись с Любой. Та мыла пол. Подняла глаза на батюшку, одернула серое платье, поправила платочек на голове. Зацвела, распушилась девчонка, щеки покрылись румянцем. Красивая, непорочная, возвышенная. Голову склонила перед отцом Борисом. Он бережно коснулся ладонью ее лба, что-то прошептал и ушел в палату. Она так и стояла, прикрыв глаза, словно запоминала его присутствие, впитывала... Славке стало неудобно с ней говорить в такой момент, хоть он и хотел воспользоваться случаем. Но пришлось следовать за батюшкой.

Когда они закончили с больными, Любы и след простыл. Отец Борис переговорил с фельдшером, вежливо попрощались.

– Присядем? – указывая на лавочку, предложил Слава, когда они оказались на улице.

Отец Борис был не против, и они устроились на скамейке под березой.

– Можно спросить? – обратился Пеструнов к священнику.

– Разумеется.

– Как вам удается воздерживаться, ну в том плане, что в ваши молодые годы, когда вокруг много женщин... понимаете?

– Понимаю, – усмехнулся отец Борис. – Я дал обет в очень раннем возрасте. Не церкви, а самому себе. Потом понял, что мне мирские развлечения претят, они мне тоже не нужны. И подался в монахи, дав клятву уже перед Богом. А через некоторое время любовь к людям привела меня сюда.

– Это все понятно, но вы же человек, неужели даже мысли не возникает?

– Соблазн всегда где-то рядом. Важно не то, может ли он возникнуть, а то, как я с ним справлюсь. У меня ощущение, что вы заплутали, Слава, – вдруг сказал отец Борис, кивая на футболку Пеструнова. Сейчас было теплее, и он явился к больнице без куртки. – И приехали сюда за ответами. Если так, то я готов помочь.

– Я сам не знаю, зачем приехал, – провел ладонью по лицу Слава. – Устал от популярности. От удушливого города. От всего.

– От внешнего мира полезно отдыхать. Появляется время заглянуть внутрь себя, и понять, кто вы есть, – сказал священник, показав себе на грудь. – Пора мне отобедать, – он поднялся со скамьи.

Время было за три часа дня.

– Отужинать, вы хотели сказать? – переспросил Слава.

– Мой обед слегка позже, чем у всех, – с улыбкой пояснил священник и размеренным шагом направился к церкви.

Слава все больше проникался к нему уважением. Хотя Любочка и ее влюбленность в отца Бориса не давала ему покоя.

Пеструнов возвращался домой к крестному, когда на него неожиданно налетела женщина, страшно ругаясь и вопя. Он даже не сразу понял, что крики адресуются не ему. Она бежала напрямик на Славу к дому напротив, он едва успел посторониться. Через забор оттуда махнул мужчина в одном белье, сжимающий в руках туфли и рубашку. Брюки, видимо, забрать не успел, да так и помчался огородами прочь. Не сумевшая его перехватить женщина сыпала тому проклятия вслед. Потом прекратила и внимательно посмотрела на Славку. Ни слова не говоря, подошла и крепко поцеловала его в губы. Он до того обомлел, что никак не отреагировал, застыв столбом.

– Будешь моим любовником? – оторвавшись, спросила та.

Слава в другой раз, может, и не отказал такой пылкой женщине, пусть она и старше его, но сейчас твердо ответил «нет». Она залепила ему пощечину и удалилась восвояси. Пеструнов, поглаживая щеку, поплелся дальше.

– Эдак тебя угораздило, – проговорил Григорий, впуская крестника домой.

– Одна ненормальная набросилась, – прокомментировал Слава, проходя сразу в жилую комнату и падая на тахту. – Сперва гналась за своим то ли мужем, то ли сожителем, а потом и мне прилетело.

– А, это, должно быть, Генка и Ирка Челноковы. Он – главный гуляка на селе, а она – с виду тихая, но если взбесится – никому спасу нет, – сказал он, прислонившись к дверному косяку.

– Ага... – зевнул Славка. – Дядь Гриш, мы немного поговорили с отцом Борисом о том, о сем – так, случайно пересеклись.

– Молодец, отец Борис – незаурядный, хотя и немного не от мира сего.

– Слушай, а почему у отца Бориса жены нет?

– Так он из черного духовенства, им нельзя.

– То есть если он захочет жениться, ему не разрешат?

– Я думаю, уже нет. Монахи дают обет.

– А что будет в нарушение?

– Сана лишат, от церкви отлучат, наверное. Я не знаю деталей, – прервался Григорий. – Зачем спрашиваешь? Ты что, заметил за отцом Борисом подобные мысли, действия?

– Нет. Но он молодой, а вокруг девчата вьются – как он может быть уверен, что не поддается? Ну, положим, не женится, а так, разок...

– Слава, ну что ты все опошляешь. Поговори с ним о воздержании, коли так любопытно.

– Я поговорил. Не убедило.

– Девчата вьются... Я, кажется, понял, куда ты клонишь: с Любой познакомился?

– А ты как понял?

– Да сам видел, что она как раз-таки возле отца Бориса и вьется. Он даже злился по этому поводу, обругал ее. А теперь свыкся. Романтическое всё это, пройдет. Но ты же не за его честь беспокоишься, правда? И не за ее. Понравилась тебе?

– Проехали, дядь Гриш, забудь, – отмахнулся Славка.

– Оставь ее, Слава, – посоветовал крестный.

А крестник уж и заснул.

Пеструнов пробудился после обеда, мучимый жаждой. Выпив своего гостинца, он выбрался на улицу и застал дядю Гришу, который заталкивал в кузов небольшого грузовичка лавку. На земле стояли еще две. Крестник выскочил и подсобил дяде.

– Сам делал? Куда везешь?

– Угу, для церкви делал, туда и везу, – ответил Григорий. – Коли силы есть, поедешь со мной? Мне еще продуктов закупить, а там выгружать все это добро некому.

– Не вопрос, только подожди минуту.

Слава передел футболку на белую, захватил куртку. Перстни всегда были при нем. Тяжелую обувь, недолго думая, сменил на кеды, предусмотрительно привезенные с собой.

Только у церкви, когда они с крестным все закупили, Пеструнов понял, что вот ему и придется зайти внутрь. Была-не была. Взяв лавку, он понес ее в храм. Где его и встретила, очевидно, та самая матушка Ольга, что умела быстро готовить. Она осмотрела Славу с ног до головы строгим взглядом. Пеструнов улыбался через силу – жутковато стало от ее пронизывающих глаз. Потом он воротился со следующей лавкой и с еще одной. А матушка не покидала своего наблюдательного поста.

– Что, боитесь, не только принесу, но и унесу чего-нибудь? – не удержался и сдержил Слава.

– И в мыслях не было подозревать тебя в воровстве, юноша, – отозвалась та с достоинством. – А вот в невежестве твоём не ошиблась.

– Меня уже и кадилом обхаживали, и Сатаной обзывали, и вором – тоже, – сказал Слава едко. – А вы смотрите так, словно намереваетесь сделать одно из трех.

– Каждый по себе судит, – развела руками матушка. – Но все происходит не без причины.

– Доброго дня, матушка, – в церковь вошел и Григорий.

Та благодушно кивнула ему и ушла.

– Ты ее удивил.

– Мягко сказано, – мрачно проговорил Слава, поглаживая себя за плечи.

Он хотел поскорее выйти, однако не сдержал любопытства и поднял голову, увидев прекрасные иконы, расписной потолок. Чувство тихого блаженства наполнило душу Славы. Когда Пеструнов засмотрелся на Иисуса, такая волна счастья накатила на него, что он надолго выпал из реальности.

Крестный тряс Славу за плечо, возвращая из грез.

– Слава, что с тобой? Ты плачешь?

Пеструнов провел пальцем по щекам. Он и вправду плакал. Но не от грусти.

– Все хорошо, – ответил Славка. – У нас все?

– Да, мне пора на работу возвращаться.

Они с Григорием вышли на улицу, где Слава вновь заметил Любу. Она разговаривала с двумя девочками помладше. Крестный оставил его, и Пеструнов незамедлительно приблизился к девочкам.

– Привет, – с широкой улыбкой поздоровался он, вставая рядом и вальяжно опираясь о ворота.

Но Люба и не собиралась с ним говорить. Она усмехнулась, помахала девочкам и упорхнула. Слава, словно тянутый за веревочку, проследил за ней, не особо таясь, и добрался до внутреннего дворика церкви. Там был обустроен сад, огород. В клумбах распускались первые цветы. С ними и возился отец Борис. Любка устроилась рядом с ним. Пеструнов повздыхал и оставил их – что тут было поделать?

Тем временем, отец Борис пребывал в замешательстве. Бунт нуждающихся во время раздачи пищи напугал его. И к Вячеславу тоже пока не знал, как относиться – как к спасителю или смутьяну? Из равновесия священник был выведен, и ему было важно заняться тем, что успокоило бы его. Вот батюшка и устроился в саду. А потом вдруг заметил подле себя Любу – еще

одну возмутительницу его спокойствия. Она взялась обрезать яблоню. Он старался не замечать ее, забыть те страшные слова, что выкрикнул девушке, и ему отчасти удавалось это. Хотя уже и не чувствовал раздражения от Любиного присутствия, да и она перестала быть навязывающей. Словом, момента для извинений лучше и не найти.

– Простите мне мою грубость. Знаю, я должен был сказать это еще три недели назад...

– Я не злюсь и не обижаюсь на вас, батюшка, – ответила Люба.

– Нельзя было сравнивать вас с демоном, это недопустимо, – отчитывал сам себя отец Борис.

– Теперь и мне неловко, что вы извиняетесь. Будто я нарочно выпрашиваю, – значительно тише проговорила Люба.

– Но я действительно был неправ, – он осмелился посмотреть ей в глаза. И понял, что сильно заблуждался, напрасно считая ее блудницей.

– Я пришла помочь настоятельнице... – пролепетала Любовь. – Увидела вас и забылась.

– Вы пропустили, – он взял у нее из рук секатор, подцепляя веточку, и вдруг осознал, что только что коснулся кожи девушки.

– Я пойду... – Люба оставила его.

Отец Борис вконец смешался. Что-то происходило с ним в этом месяце, что-то совсем незнакомое.

Храм всегда был его защитой, всем его миром, которого хватало. Отец Борис не нуждался ни в друзьях, ни в любимой, ни в другом доме – у него был Господь. И вот внезапно этого стало мало. Та служба, на которой священник посмотрел на прихожан другими глазами, породила в нем червь сомнения. Чувство недостатка и пустоты, одиночества. Григорий частично помогал ему заполнить эту образовавшуюся дыру. Но никакие добрые дела, которые он выполнял все с растущим усердием, уже не приносили отцу Борису тихой радости бытия и спокойствия, как должно и как было раньше. День за днем пустота расширялась.

Сейчас ему отчего-то стало особенно тяжело оставаться на месте. Отец Борис отправился поискать Григория, который как раз должен был вернуться с работы. Однако далеко от церкви и не ушел, как натолкнулся на Тимура – одиннадцатилетнего мальчишку.

Отец Борис машинально коснулся его синяка.

– Подрался?

– Я не хотел, – шмыгнув носом Тимур, понуро опустив голову.

– Защищался?

– Защищал свою честь.

– Ты храбр и честен, открыт. Добрый малый, но тебе надо сделать усилие, чтобы сохранить это. Учиться защищаться не только кулаками, но и словом.

– Я не умею иначе.

– Приходи на занятия в воскресенье, не пропускай, Тимур. А после них на чай со мной. Договорились? Наши ребята никого не задирают.

– Ладно, батюшка, приду.

Глядя на шалопая Тимурку, отец Борис вспомнил о Славе, заскучал по нему. Но разыскивать не стал – парень до того вездесущий, что сам объявится. А пока стоило бы все-таки вернуться в храм, не искушать себя мирской жизнью, которой и так стало слишком много.

Прошло несколько дней, душевные мытарства на время улеглись. Пастырь проводил очередную проповедь – о роли добра и прощения, – когда среди прихожан заметил Вячеслава. Отец Борис знал, что этот юноша рано или поздно придет сюда. Еще тем утром, когда Слава ввалился к Григорию в полуадекватном состоянии в этих черепахах и сатанинском наряде, священник уловил, что он небезнадежен. Отмыть, переодеть – это же наносное, поправимое. Пастырь, конечно, поостерегся и опешил, но после почувствовал, что Вячеслав – самый искрен-

ний из всех, кого отец Борис знал. Особенно после того, как тот вступился за него на площади во время раздачи еды. Слава, возможно, был одним из немногих, кто жил по совести и стремился к правильным вещам. И потому было важно, что он-таки пришел в церковь. Поймать нужный курс не каждому дано.

Выглядел Слава растерянным. Вот и одноклассник его, Рыбакин, что грозился «прибить», смотрел на Пеструнова со смирением, а не злобой. Храм примирял и менял людей. Пусть на время, но души их освещались добром. И это, пожалуй, неплохо. Мало по малу, да с пользой. Вполне могло случиться, что Рыбакин и Пеструнов подерутся сразу за воротами – оба горячи, с них станется. Но здесь, в стенах божьих, они будут братьями по вере. Григорий был прав: в церкви люди вели себя иначе – чуточку лучше. На это она, в общем-то, и была нужна.

Меж тем, Славка старался не крутить головой и не заикливаться на присутствии других прихожан подле себя. Он любопытничал, когда решил заглянуть на проповедь, но неожиданно проникся и не захотел уходить. Ему стало важно остаться, не получить очередных косых взглядов на себе. Не выделяться здесь, а слиться с толпой. О чем Пеструнов все же заблаговременно позаботился, надев белую футболку вместо привычной черной.

После проповеди отец Борис подошел к нему.

– Как служба?

– Э-э, нормально, – Слава и не знал, что сказать. – В смысле, очень поучительная речь, пастырь. Но, на мой взгляд, вам чуток не хватает голосовой палитры, – нашелся он. – В смысле темп повествования поубавить, монотонности избегать, может, и отдельные слова сделать попроще. Тогда и проповедь зазвучит доходчивее.

– Не думаю, что Божье слово нуждается в чем-либо еще, – тактично ответил священник.

– Нет, конечно, нет, – поспешил ответить Слава. – Но публичное выступление – нуждается. Я лишь хочу помочь советом – дело ваше. У меня какой-никакой сценический опыт.

– Я слышал. У нас не рок-концерт, – решительно отмел идею священник.

– Куда уж мне, – он и хотел выдать что-то язвительное, но прозвучало жалко. – Отец Борис, вы скажите, как есть, – Слава взял себя в руки, – если я вам не нравлюсь, не желаете видеть меня на службах... Люди на меня косятся, но это ерунда – важно ваше мнение. Я знаю, как монахи и священники ко мне относятся – с настороженностью или пренебрежением. Вы вроде бы другой, либо просто стесняетесь признаться и прогнать.

– Не нужно себя принижать, вы хороший человек, – с легкой улыбкой ответил отец Борис.

– Спасибо, пастырь... – ему пока не верилось, что священник говорил с ним так не из вежливости.

– Вас прогоняют, смотрят недоверчиво из-за того, что за вашим внешним обликом не видят больше ничего. Как писал Матфей в Евангелии, горе вам, фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых.

– Да, наверное, я слишком вызывающе одеваюсь.

– В каждом обществе есть свои правила, и люди имеют право ожидать, что их будут соблюдать те, кто пришли к ним со стороны. Богу нет разницы, во что вы одеты, какие кольца носите, что за рисунки на себе рисуете – он видит не тело, а душу. Однако прихожане, священнослужители – люди. Потому и оценивают себе подобных так, как привыкли.

– Но не вы.

– Было бы самонадеянно сказать «только не я». Иногда получается, а иногда и я сужу слишком поспешно.

– У меня очень черная душа, – проговорил Пеструнов тихо.

– Не бывает чистого зла, Слава. Как и чистого добра. Я вот считал, бывает, и глубоко заблуждался. Если вы осознаете свои грехи, то уже на пути к прощению.

Он ощутил в себе потребность немедленно высказаться, да так откровенно, как ни с кем не говорил. Во всяком случае на трезвую голову. О вопросах религии не столь просто в принципе рассуждать, тем более делиться с кем-то, не сойдя за помешанного. Для Славы это всегда было важным, но, пожалуй, по-настоящему поделиться тем, что в душе, ему ранее не удавалось.

– Вся эта идея с Христом очень красивая и оттого нереальная, – высказался Пеструнов. – Да, он пострадал за людей, но предателей и всяких уродов меньше не стало. Добро зачастую не побеждает зло, а грешники даже и живут дольше, творя бесчинства. Никто их не карает. Каков же смысл?

– В чем, в религии?

– В ней.

– В надежде, – прошелся взад-вперед отец Борис. – Иисус дал своим последователям надежду. На то, что их страдания не зря, и они обретут покой – я так это понимаю. Ну а грешники живут дольше – им и исправлять больше. Господь всем дает шанс на искупление. И неправда, что не карает – баланс всегда существует.

– А почему умирают дети? Нет ответа?

– Мой ответ вас не устроит и разозлит.

– Ну а вы скажите – увидим.

– Они тоже как Иисус присланы сюда стать жертвой... Пострадать за своих родителей, например. Они – их искупление за прошлые грехи.

– Наворотили дел, а расплачиваются дети?! Где же справедливость в этом?! – Слава вышел из себя.

– Дети со смертельным диагнозом – испытание. Это их изначальное предназначение.

– Чуть несусветную городите, пастырь.

– Я предупреждал, что ответ вас не устроит.

– Причем тут я?! Дети умирают за родителей? Большого бреда в жизни не слышал! Хорошо же Бог придумал, ничего не скажешь.

– Я не могу вам ответить за него. Нельзя забывать, что есть еще и Дьявол.

– Сатана, ага. Ладно, пастырь, извините, что накричал, – он понял, что погорячился. – Вы не Он, всего знать не можете.

– Что-то случилось с вами в северной столице, что вы приехали сюда?

– Случилось, пастырь. Не хочу говорить об этом. Но мне хотелось к храму, правда. Мне приснился дядька, я решил навеститься к нему, не зная, что тут вы, церковь. Так что... Судьба или типа того, что-таки нашел нужную церковь в нашей глуши. Но сомнений по-прежнему полно.

– Что вполне естественно для человека думающего, – заметил священник.

Слава ничего не ответил на этот счет.

– А над интонированием поразмыслите, – сказал он в чем, был уверен.

Вечером того же дня Славка к дяде Грише домой, где застал отца Бориса и какого-то мальчика с чумазым лицом. Григорий отмывал пацана, а священник занимался любимым, похоже, занятием – пил чай. На сей раз от напитка пахло мятой.

Сам Слава вернулся с затянувшейся прогулки. Сразу после выслушанной проповеди он предпринял еще одну попытку завязать знакомство с Любой, выведав ее адрес у сговорчивой Раисы и не преминув им воспользоваться. За что и поплатился – Любин отец-мясник вышел на него с топором и аргументированно объяснил, почему Славка должен немедленно отстать.

Потом Пеструнов встретил неприятного знакомого Рыбакина, с которым они едва не подрались. Но, видимо, Рыбакин пребывал сегодня в «прилежном» настроении, потому отступил и предложил посидеть вместе, примириться. Слава согласился, но до мира у них так и не дошло. В разговоре он поделился своими мыслями насчет Любы, Рыбакин оскор-

бил девушку за то, что та «таскается за чистейшим преподобным», и вся их ссора разрослась заново...

Так что день у Славки прошел, мягко говоря, разнообразно и нескучно. В былые времена случалось и не такое, но он в деревню приехал не за приключениями всех мастей, а за покоем. Пеструнов устало рухнул на табурет рядом с отцом Борисом, откинулся спиной к стенке и внимательно посмотрел на пастыря. Негустая борода, отсутствие морщинок, глубокий взгляд – вроде бы почти ровесник Славке, ничем особо не выдающийся, а сколько между ними внутренних различий. И не хотел Пеструнов увлекаться священником, беседы с ним вести, а тянуло к нему, как к отдушине. Даже несмотря на то, что понравившаяся Вячеславу девушка предпочитала Бориса, невзлюбить его не получалось. Душа сама рвалась к этому конкретному обладателю сана. Ко многим священнослужителям он относился с долей скепсиса. Не к православию, а к тем, кто ставил себя превыше всех людей только из-за наличия у себя рясы. В отце Борисе ничего подобного не читалось. Как бы ни пытался Слава спровоцировать его, как бы ни вел себя – грубо или попросту глупо, – священник оставался вежлив с ним и ни разу не упрекнул. Его главный «соперник» за сердце дамы оказался его же единственным... другом.

– Ну, крестник, чего молчишь-то? Где фингал схлопотал? – подал голос Григорий, умытый мальчонку и усадивший его за стол тоже чаевничать.

Слава ждал реплики от отца Бориса, но тот пока молчал. Тем не менее, взгляда от священника он не отвел, отвечая крестному:

– Рыбакин прицепился. Сперва хотел подраться, потом – выпиться, а в итоге я его послал и получил. Ну и он от меня.

Священник сглотнул, услышав про драку. Видно, беспокоился-таки за Славку.

– А у нас тут еще один драчун, – со смешком сказал Григорий, показывая на мальчика. – Тимурка.

Слава посмотрел на пацана и увидел синяк под глазом – точно такой же, что и у него самого. Да уж, было, с чего посмеяться.

– Тимур сегодня впервые досидел все занятия в воскресной школе, – похвастал отец Борис. – Он делает успехи в усмирении своей природной агрессии.

Пеструнов только ухмыльнулся. И они привели этого пацана, чтобы тот посмотрел на него, свою более взрослую копию, и присмирел, передумал быть хулиганом. Или кем он там был? Проблема была в том, что Славка не любил драться, а приходилось, и его главной бедой, причиной вызывающего поведения было вовсе не это.

– Ну привет, – кивнул Слава Тимуру. Тот лишь фыркнул.

Пеструнов нащупал под столом бутылку, на доньшке которой осталось немного любимого напитка. Мальчонка вылупил на него глаза. Отец Борис покачал головой. Дядька ничего не сказал и не сделал, но Славе пришлось убрать бутылку.

– Ну, и что с тобой не так? – обратился Пеструнов к Тимуру за неимением других занятий.

Мальчик поднял на него удивленно-враждебный взгляд и глотнул чая. Отец Борис взволнованно наблюдал за ним.

– Что заставляет тебя драться? Жажда превосходства и крови, отмщение за свои неудачи или защита? – перечислил Слава.

Мальчик отвел от него взгляд, тогда Пеструнов потянулся к нему через стол и заставил снова посмотреть ему в глаза. Рядом дернулся отец Борис, но Григорий его остановил от вмешательства.

– Он знает, что делает.

Славка знал, ведь сам проходил через это.

– Защита, – наконец, ответил Тимур, обозлившись на Славу.

Еще бы он не обозлился.

– На тебя нападают, и ты бьешь? Не бойся ты, я бы не расспрашивал, не приведи они тебя с явным намерением что-то показать и чего-то добиться от нас с тобой, – сказал Слава, с усмешкой глядя на крестного, которого вдруг взялся чистить картошку подальше от стола, и на отца Бориса, изо всех сил изображающего безразличие.

– На меня или на тех, кто заведомо слабее бьющих, – заметил Тимур. – Достаточно и резкого слова, чтобы я ударил. Ребята в классе знают это и все равно не унимаются.

Вот теперь он уловил сходство...

– А я показывал тебе свой айпад?

Тимур заинтересовался – большего и не надо было, чтобы увести ребенка в другую комнату. Слава с мальцом устроились в жилой комнате, и он показал мальчику обещанный айпад.

– Поиграешь в него, когда поговорим, идет?

Теперь Тимур был полностью на стороне Славы, и Пеструнов продолжил миссию, которую на него повесили, не спросив. Тем не менее, узнав знакомые черты, он и сам захотел помочь Тимуру разобраться, что к чему.

– У тебя родители есть? Папаня, поди, жесткий тип?

Мальчик кивнул, опустив глаза. Вырисовывалась типичная ситуация, когда ребенок подавляем в семье, и скапливающейся злобы хватает на достойный ответ обидчикам. Только вот в роли «обидчиков» могут случайно попасть обычные идиоты, максимум, чего заслуживающие, так это презрительного взгляда.

– А друзья?

– Я один. Они все тупицы.

И снова Славка узнавал себя, даже погрузнев. Пока его ровесники носились по свалкам, стреляли друг в друга резиновыми пулями, Пеструнов тихо брэнчал на старенькой гитаре у себя дома, на которую сам заработал, помогая дяде Грише с заказами. До приобретения этого инструмента Слава рисовал себе воображаемую гитару. Он не представлял себе жизни без музыки, она часто играла в его голове. За любую насмешку в свой адрес Славка научился разминать кулаки. В отличие от Тимура, отца у Вячеслава не было, и именно поэтому он учился защищать себя сам. В старших классах Пеструнов успел из изгоя превратиться в звезду школьных дискотек и сколотил первую группу из числа городских ребят, но это все равно не прибавило ему популярности у друзей и девчонок. Успех пришел позже, вместе с внушительными контрактами. А ведь все могло закончиться для Славы куда плачевнее.

– Увлечения есть? – спросил он у своего «товарища по несчастью».

– Создание компьютерных игр, – ответил Тимур. – Я немного пробовал, да компьютера постоянного под рукой нет.

По части виртуального мира Слава разбирался неважно, но сам факт впечатлил его. Обычно нынешние детки только играют, а Тимурка еще и что-то создает – действительно родственная творческая душа.

– Все вокруг считают меня трудным ребенком, – продолжил говорить мальчишка. – Учителя, взрослые – каждый думает, что умнее меня. И отворачиваются, наплевав на мое мнение. Я их ненавижу.

– Кроме священника?

– Он носится со мной – кормит, морали читает... Но тоже наверняка считает трудным ребенком, – едко бросил Тимур.

– Учиться заставляет, – добавил Слава, догадавшись. – Держись его, приятель, – серьезно добавил Пеструнов. – Он никогда не был таким, как ты или как я, потому вряд ли поймет тебя на сто процентов. Но у отца Бориса много умных мыслей припасено. И он не обманывает, когда старается позаботиться о тебе. Его действия – реальная помощь.

– А тебе-то что за дело говорить со мной? – снова ошетинился Тимур.

– Да никакого. Решил вот подумать о ком-то кроме себя, а ты – почти полная моя копия, – искренне ответил Славка. – Сейчас твое сердце горит, ибо ты молод и неопытен. Постепенно жар стихнет, и станет полегче. Не то, чтобы прям кайф наступит – нет. Но ты будешь знать, что здесь, в этом мире, к чему. И не станешь с кондака бить морды.

– Почему? – насупился малец.

– Потому что иногда, ты не поверишь, достаточно слова или взгляда, – хмыкнул Слава, вспоминая себя в его возрасте – такой же дикий, озлобленный, что сейчас смешно, а тогда было не до шуток. – А порой ну просто, знаешь, лень биться. Кости бережешь – свои и чужие.

– Ясно.

Ничего-то ему ясно не было, но Слава надеялся, что поможет мальчишке хоть чуть-чуть.

– Ты не один такой... бунтарь, – добавил он и оставил эту тему. – На, держи, – бросил айпад Тимуру. – Думаю, тебе нужнее.

– Можно поиграть? – спросил мальчишка, чья отгороженность мигом пропала, оставив лишь ребячество.

– Можно. Подарю насовсем, если пообещаешь не огорчать отца Бориса.

– Правда?

– Да.

– Обещаю.

Пеструнов понимал, что едва ли долго Тимур продержится без новых происшествий, но главное в этом деле было дать ребенку шанс. Поверить ему, и чтобы он научился верить в себя и исполнять данные другим обещания в ответ. Большого Пеструнов дать был не в состоянии – воспитатель и пример из него никакой. Они торжественно пожали друг другу руки, и мальчику достался айпад, с которым он радостно убежал домой. А Слава вернулся на кухню. Отец Борис и Григорий напряженно молчали.

– Все с ним нормально будет, – заверил их Пеструнов, и те как-то выдохнули разом.

– Я не планировал приводить Тимура, – признался отец Борис. – Но благодарен вам, что вы с ним поговорили. Полагаю, у вас нашлись общие темы.

– Нет, но я его понимаю.

– Слав, мне тут нужно будет уехать в город, – сказал Григорий. – На неделю или больше, не знаю. Надо помочь брату...

– Езжай, конечно, – не понял Слава волнений крестного.

– У меня есть обязанности в церкви, как ты знаешь.

– Хочешь, чтобы я тебя заменил? – догадался он.

– Если тебе несложно. Нужно будет утром брать список продуктов у настоятельницы Ольги, привозить провизию к обеду и потом на вечер – и все.

– Не проблема, дядь, если отец Борис не против, – Слава не чувствовал в себе никаких причин отказываться.

– Я для этого сюда и пришел – попросить вас о том же, – произнес священник. Это польстило Пеструнову. – Уверены, что справитесь?

– Ну да, мне заняться нечем, и неплохо бы почувствовать себя другим человеком, – решил Слава.

– Я вас попрошу только об одном – алкоголь недопустим в таком деле.

– Не вопрос, – ответил Славка и выбросил свою бутылку, вылив ее содержимое в раковину.

– Увидимся, был рад зайти, – отец Борис поднялся.

– Бывайте, – попрощался Гриша.

Слава махнул рукой. Пеструнов и сам не успел осознать, на что подписался, но не жалел о том, что сказал и сделал. Что-то светлое пробудилось в нем изнутри, а обычно он доверял своему сердцу и следовал за ним.

ГЛАВА 4. Страх

Постепенно сближаясь с Вячеславом, отец Борис, в конце концов, согласился принять помощь в работе над произношением своих проповедей. Он подумал о том, что слово Божье от этого не изменится, а напротив, станет доступнее другим. Пример Славы его убедил в том, что даже кажущиеся отъявленными грешниками имеют в себе все предпосылки к просветлению, если до них правильно донести христианские истины. Если вначале по поводу Вячеслава у священника и возникали сомнения, то теперь, проводя с ним немало времени за раздачей пищи нуждающимся и за другими делами, в беседах, он уже верил, что юноша – светлый человек, но заплутавший. Даже несмотря на их недавний обстоятельный, дискуссионный разговор, где два мнения кардинально разошлись, они умудрились сблизиться. Отец Борис перестал судить своих прихожан по их мелким прегрешениям, которыми они продолжали делиться в исповедях. И решил, что пастве нужны его проповеди. Просто их стоит немного доработать.

Они со Славой провели с десяток совместных репетиций, и священник заметил, что действительно стал читать их лучше, а прихожане выглядели более заинтересованными и благодарили его. И вскоре, к удивлению отца Бориса, людей в церковь на его проповеди стало приходить куда больше. А ведь он всего лишь чуть раскрасил свою речь по тону и темпу, нисколько не меняя содержания – чудеса!

Общение с Вячеславом сказывалось на нем положительно. Отец Борис уже реже заходил к Григорию – надобность в собеседнике отпала. Многие функции дяди взял на себя Слава. А тот и сам стал заходить без надобности. Вячеслав так органично вошел в будничную жизнь отца Бориса, что священник считал его «своим». Немного неотесанным, но старательным, умным человеком. Тимур тоже вел себя достойно и исправно посещал воскресную школу. Он не стал вмиг дружелюбнее, но относился к другим детям терпеливее. Борис стал чувствовать себя наставником для них двоих, и мысль эта грела его. В душе царил покой, как оно и должно. Службы протекали с прежней легкостью.

Пока он снова не пересекся с Любой.

В этот день отец Борис проводил крещение для двух семей с новорожденными. Он по-особенному относился к данному обряду – волнительно и почтенно держать на руках божьего ангелочка, открывать ему дорогу в Рай. Чем раньше это сделать, тем лучше малыш будет защищен от дурного влияния. Защищен – не значит, избавлен: во всем предусмотрен баланс, даже в таких вопросах. Будучи крещенным, у человека есть шанс на покаяние, прощение и усиленную защиту.

Отец Борис взял на руки первого ребенка, тот был спокоен и улыбался ему. Он, читая молитву, окунул малыша в освященную воду. Будто маленький Иисус – прекрасное, безгрешное дитя смотрело на него глазами цвета неба. Недаром у младенцев голубые глаза – их жизнь еще ничто не омрачает. А второй мальчик плакал на руках у Любки. Стоило священнику взять его к себе, как тот перестал. Однако коснувшись руки Любы, отец Борис будто испытал удар током. Его бросило в жар, и только благодаря ребенку батюшке удалось переключить свое внимание и сосредоточиться. Малыш изучающе посматривал на своего пастыря. Отец Борис удивился второму такому спокойному ребенку – слезы для них при купании были естественны, но эти двое проявляли недюжинное терпение. Значит, их души и души их близких не были запятнаны. Крещение прошло хорошо.

Но после их с Любой взгляды вновь встретились, по телу Бориса пробежались мурашки, и он совсем озадачился. В таком состоянии прострации его застал Вячеслав. На машине своего дяди он привез продуктов к церкви. Матушка Ольга и несколько ребятишек-добровольцев уже принимали его товар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.